

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Лю Ци

**Особенности современных информационных войн в контексте
глобальных социальных трансформаций**

Специальность: 5.5.4. Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва – 2026

Диссертация подготовлена на кафедре глобальных социальных процессов и работы с молодежью факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель: *Кочетков Владимир Викторович* – доктор социологических наук, профессор

Официальные оппоненты: *Цыганков Павел Афанасьевич* – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова

Гриняев Сергей Николаевич – доктор технических наук, главный научный сотрудник Центра арктических исследований отдела страновых исследований Института Европы Российской академии наук

Исаев Леонид Маркович – доктор политических наук, доцент, заместитель директора Центра изучения стабильности и рисков факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Защита диссертации состоится «09» апреля 2026 г. в 14 ч. 00 м. на заседании диссертационного совета МГУ.054.1 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А, факультет глобальных процессов, ауд. 632.

E-mail: alekseenkooa@my.msu.ru; dissovet.msu@mail.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27), а также на сайте: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3824>

Автореферат разослан «__» марта 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета МГУ.054.1,
кандидат политических наук

О.А. Алексеенко

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Информационная война (information war) – противоборство сторон посредством распространения специально подготовленной информации и противодействия аналогичному внешнему воздействию на себя. Согласно Большой российской энциклопедии, это также «противоборство между двумя государствами или группами государств в информационном пространстве в целях нанесения ущерба государственным информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным и другим объектам»¹. Информационная война как явление непреложно сопровождает межнациональную, межстрановую, межблоковую и межцивилизационную конкуренцию на протяжении всей истории человечества.

В эпоху цифровизации резко увеличились возможности для ведения информационных войн, а развитие цифровых технологий и инфраструктуры значительно повысило зависимость противоборствующих сторон от информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и, следовательно, их уязвимость. Процесс цифровизации стал основным катализатором глобальных социальных трансформаций современности.

В последние десятилетия ни один конфликт не обходится без значительной информационной составляющей, что обуславливает гибридный характер современных конфликтов в целом.

Актуально и целесообразно выделить новые и ключевые свойства информационной войны в современную эпоху и пути минимизации ее негативных эффектов, а также успешного противостояния с противниками с использованием ее инструментов.

Современная цифровая эра предоставила принципиально новые технологические возможности для активизации информационных конфликтов. Технологии информационных войн, включая целенаправленное

---

¹ Информационная война/ Большая российская энциклопедия. URL:<https://bigenc.ru/c/informatsionnaia-voina-2b7815> (дата обращения: 1.04.2025)

распространение дезинформации через социальные сети и другие интернет-ресурсы, а также использование технологий для создания фальшивых видео и аудиозаписей, применяются для манипуляций общественным мнением, что позволяет достигать политических целей вплоть до смены власти в государствах. Данные технологии стали важным инструментом как государственной, так и негосударственной политики, и могут достигать цели без использования экономического или военного давления. Однако эти же технологии могут использоваться для борьбы с дезинформацией. Например, машинное обучение может помочь в распознавании и фильтрации фейковой информации, а криптография обеспечивает безопасность передачи информации.

Социо-гуманитарные технологии также играют ключевую роль в информационных войнах, причем как для атакующей стороны, так и для обороняющейся, так как они базируются на данных и исследованиях политологии, социальных наук, психологии, лингвистики и нейрофизиологии. Психологические исследования позволяют понять, как люди реагируют на определенные виды информации, что может быть использовано для борьбы с дезинформацией. Социологические исследования помогают определить важные темы для общества и то, как поведение людей в интернете влияет на их мнение и действия.

Цифровая трансформация и сближение наук и технологий тесно связаны с глобальными трансформациями, которые ускорились в новом тысячелетии. Они изменяют структуру международных отношений, расширяют сферы конфликта и конкуренции. В результате информационные войны становятся все более разнообразными и важными в современном мире. Сложность информационных войн и их инструментария, а также разнообразие практик их использования требуют уточнения и систематизации стратегий по борьбе с ними в целях национальной безопасности.

Степень научной разработанности проблемы. В основе исследований информационной составляющей международных отношений лежат труды Г. Алмонда, Р. Арона, З. Бжезинского, И.М. Валлерстайна, А. Вендта, Дж.

Денниса, Л. Гарта, Д. Истона, Г. Моргентау, Дж. Ная, Ю. Хабермаса, С. Хантингтона, Т. Хофа, В.И. Аникина, Е.П. Бажанова, А.Д. Богатурова, А.Г. Володина, Л.Е. Гришаевой, А.А. Громыко, А.Г. Дугина, С.С. Жильцова, А.Г. Задохина, Т.А. Закаурцевой, О.П. Иванова, О.Г. Карповича, Т.В. Кашириной, И.В. Кондакова, М.А. Кукарцевой, М.М. Лебедевой, А.В. Мальгина, М.М. Мчедловой, М.А. Неймарка, Е.Г. Пономаревой, Г.А. Рудова, Г.М. Сидоровой, И.В. Сурмы, А.В. Торкунова, К.А. Феофанова, П.А. Цыганкова, Т.А. Шаклеиной, В.В. Штоля, А.Д. Шутова, и др.² К настоящему времени только в российской базе

² Аникин В.И. О некоторых практических аспектах философии информационной цивилизации в международных отношениях // Человечество на границе тысячелетий: диалог цивилизаций: сборник материалов научно-практической конференции, Киев. 2003. С. 43; Аникин В.И., Моисеев А.В., Сурма И.В., Семенова О.В. Современные подходы в принятии внешнеполитических решений в Российской Федерации. М.: Русайс, 2021; Аникин В.И., Сурма И.В. Новые подходы к обеспечению национальной безопасности России // Россия и современный мир. М.: Канон+, 2016. С. 9-28; Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Мир и война. М.: Восток-Запад, 2011, 335 с.; Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Диалог и столкновение цивилизаций. М.: Весь мир, 2013; Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Международные отношения в XXI веке. М.: «Восток-Запад», 2011; Бажанов Е.П. Россия между Западом и Востоком // Современный мир и геополитика. М.: Канон+, 2015. С. 9-47; Богатуров А.Д., Аверков В.В. История международных отношений 1945-2017. М.: Аспект Пресс, 2017; Богатуров А.Д. «Украинский вызов» и альтернативы внешней политики России // Научно-образовательный форум по международным отношениям. 2014. Т. 12. № 39. С. 6-16.; Володин А.Г. Становление полицентрического мироустройства как продолжение геополитических процессов XX века // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 4. С. 6–31; Гришаева Л.Е. Устав ООН и новое мироустройство // Вестник РУДН. Серия: политология. 2015. Т.15. № 4. С. 92-102; Громыко А.А. Дилеммы Европейского оборонного союза // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 2. С. 6–28; Громыко А.А. Глобальный мир: риски и возможности // Современная Европа. 2018. № 1. С. 137-147; Дугин А.Г. Концептуальные подходы к понятию «цивилизация» // Вестник московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2013. № 1. С. 33-41.; Жильцов С.С. Истоки украинского национализма // Вестник РУДН. Сер. Политические науки. 2014. № 4. С. 21-36.; Жильцов С.С. Технологии и механизмы борьбы за власть на Украине // Россия и современный мир. М.: Канон+, 2016. С. 451-470; Задохин А.Г., Чиджиев Б. Геополитика симбиоза «периферия-центр» и перспективы многополярного мира // Мировая политика. 2016. № 1 (13). С. 55-63; Гаврилова С.М., Закаурцева Т.А. Италия: опыт автономий как пример национально-государственного устройства // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и Мир. 2017. № 2 (12). С. 71-80; Иванов О.П. Россия и НАТО: новая парадигма отношений // Россия и современный мир, М.: Канон+, 2016. С. 44-59; Иванов О.П. Россия и НАТО: точка невозврата // Обозреватель-Observer. 2015. № 1. С. 5-16; Карпович О.Г. Украинский кризис в контексте противостояния России и Запада // Вестник российской нации. 2016. № 6 (52). С. 197-205; Карпович О.Г. Роль США в украинском кризисе (2013–2014-е гг.) // Международные отношения. 2016. № 2. С. 179-188; Аватков В.А., Каширина Т.В. Тенденции развития современных международных отношений // Обозреватель-Observer. 2017. № 11 (334). С. 5-15; Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М.: ПрогрессТрадиция, 2011; Кукарцева М.А. Политический нарратив – инструмент «формирования себя» в мировой политике // Обозреватель-Observer. 2013. № 4 (279). С. 100-109; Лебедева М.М., Кузнецов Д.А. Трансрегионализм – новый феномен мировой политики // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 71-84; Современные международные отношения: учебник / под ред. Торкунова А.В., Мальгина А.В. М.: Аспект-Пресс, 2012; Мчедлова М.М. Модернизация: политическая реинтерпретация концептуальных оснований и российский цивилизационный контекст // Россия реформирующаяся. 2013. № 12. С. 80-110; Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. Уточнение проблемного поля. Часть 1. // Обозреватель-Observer. 2016. № 1 (312). С. 31-42; Неймарк М.А. «Умная сила»: к перспективам в мировой политике. Часть 2. // Обозреватель-Observer. 2016. № 2 (312). С. 67-77; Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. «Цветные революции»: природа, символы, технологии // ОбозревательObserver. 2012. № 3 (266). С. 36-48; Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. «Принцип домино»: мировая политика на рубеже веков. М.: Канон+, 2016; Пономарева Е.Г. Вывихнутый век. Кто его вправит? М.: Книжный мир, 2016; Феофанов К. А. Цивилизационная теория модернизации. М.: Издательские решения, 2016; Шаклеина Т. А. Лидерство и современный мировой порядок // Международная жизнь. 2015. Т. 13. № 43. С. 6-19; Штоль В.В. Холодная война как элемент системы противостояния Запада и России // Обозреватель-Observer. 2016. №10 (321). С. 1-29; Шутов А.Д. Теория и

научной литературы РИНЦ – около 5 тыс. публикаций, непосредственно посвященных тематике информационных войн (подробно: п. 3.1). В последние годы изучение информационных войн приобрело особую актуальность в связи с началом Специальной военной операции России на Украине и активизацией борьбы объединений развивающихся стран во главе с Китаем и Россией за новый, более справедливый миропорядок. Написанные в последние годы работы А.А. Алаудинова, А.В. и Д.В. Бакулиных, Гавра Д.П., Л.А. Гаврилова, Р.И. С.Г. Галагановой, С.Г. Зарипова, М.Р. Егоровой, О.И. Калинина, Д.Ю. Кургиновой, В.А. Лукушина, А.В. Манойло, А.Н. Чумакова, О.В. Ярмака³ и др. авторов посвящены новым аспектам разворачивания большой информационной войны между Россией (и шире – Глобальным Югом) и коллективным Западом в том числе, в «гибридном» и когнитивном форматах.

Смене доминирующих держав и порядков и понятию баланса сил посвящены многие классические исследования представителей академической науки, таких, как П. Кеннеди, Дж. Арриги, Дж. Моделски и У.Томпсон, И. Валлерстайн, Дж. Мершаймер, С. Хантингтон, Ф. Закария, Д. Мюррей, Д. Браун,

---

практика современной мировой политики // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 1 (15). С. 153-159; Цыганков П.А. Системный подход в теории международных отношений // Вестник МГУ. Сер.12: Политические науки. 2013. № 5. С. 3-25; Арон Р. Опий интеллектуалов // Логос. 2005. № 6. С. 182-205.; Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999; Валлерстайн И. Есть ли будущее у капитализма?; пер. с англ. М.: Ин-т Гайдара, 2015; Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press. 1999;

³ Алаудинов А.А., Манойло А.В. Когнитивная и ментальная составляющие современной гибридной войны// Вопросы политологии. 2024. Т. 14. № 2 (102). С. 583-591; Бирюков С.В., Чирун С.Н., Андреев А.В. Информационно-пропагандистские стратегии и технологии украинской элиты в информационной войне с Россией// PolitBook. 2023. № 2. С. 66-86; Гавра Д.П. Информационное противоборство: современное понимание, характеристики, подходы к междисциплинарному познанию// Российская школа связей с общественностью. 2023. № 29. С. 10-26; Гаврилов Л.А., Зарипов Р.И. Язык массовой коммуникации и информационная война// Москва, 2023; Галаганова С.Г. Лингвистическое программирование в информационной войне// Вестник Академии военных наук. 2024. № 1 (86). С. 43-46; Егорова М.Р. Информационная война как угроза национальной безопасности страны в современном мире на примере конфликтов XXI века// Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 7 (53). С. 991-999; Калинин О.И., Приходько М.В. Информационная война: коммуникативный, дискурсивный, когнитивный и культурно-идеологический аспекты// Военно-филологический журнал. 2023. № 1. С. 23-36; Кургинова Д.Ю. К вопросу о том, что такое русофобия// Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 1 (78). С. 104-110; Лукушин В.А. Внешнее информационное давление на российскую молодежь как инструмент глобального противоборства// Общественные науки и современность. 2023. № 3. С. 68-82; Манойло А.В. "Киев за три дня" и "новая искренность Хёрша" как пример "управления ожиданиями" в операциях информационной войны// Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 3; Чумаков А.Н. Актуальный инструментальный информационного противоборства в "холодной", "горячей" и "гибридной" войне// Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11. № 2 (35). С. 19; Ярмач О.В., Бакулин А.В., Бакулин Д.В. Феномен сетецентризма в условиях современного когнитивного противоборства: на примере анализа херсонского кейса// Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 2. С. 114-135.

Т. Пол, Дж. Вирц, М. Фортманн, Р. Литтл, Д. Нексон, Н. Спайкман, М. Андерсен, У. Вольфорт, Т. Мюллер, М. Альберт⁴.

Глобальные трансформации, задающие социально-политический контекст, в котором разворачиваются информационные войны, рассматриваются в работе с позиций мир-системного подхода, развиваемого в трудах таких ученых, как Ф. Бродель, И. Валлерстайн. Э. Геллнер, Дж. Арриги и Б. Силвер, И. Дьяконофф, У.МакНил, А.Г.Франк, Б.Гиллс, Дж. Моделски, У. Томпсон, Т. Девезас, К. Чейз-Данн, Р. Денемарк, П.В. Турчин, Б. Родриг, В.А. Садовничий, А.А. Акаев, И.В. Ильин, Л.Е.Гринин, А.В. Коротаев, А.Д. Урсул, С.Ю. Малков, Ю.В. Зинькина⁵.

⁴ Andersen M.S., Wohlforth W.C. Balance of power: a key concept in historical perspective. In: de Carvalho B., Costa Lopez J., Leira H. (eds). Routledge handbook of historical international relations. London: Routledge, 2021. P. 289-301. Arrighi G. The long twentieth century: money, power, and the origins of our times. London: Verso, 1994. 400 p. Kennedy P. The rise and fall of great powers: economic change and military conflict from 1500 to 2000. New York, NY: Random House, 1987. 677 p. Little R. The balance of power in international relations: metaphors, myths and models. Cambridge: Cambridge university press, 2007. 317 p. Mearsheimer J.J. The tragedy of great power politics. New York: W.W. Norton, 2001. 555 p. Modelski G., Thompson W.R. Leading sectors and world powers: the coevolution of global politics and economics. Columbia, SC: University of South Carolina press, 1996. 263 p. Müller T., Albert M. Whose balance? A constructivist approach to balance of power politics // European journal of international security. 2021. Vol. 6, No 1. P. 109-128. Murray D., Brown D. (eds). Multipolarity in the 21st century: a new world order. New York: Routledge, 2012. 224 p. Nexon D.H. The balance of power in the balance // World Politics. 2009. Vol. 61, No 2. P. 330-359. Paul T.V., Wirtz J.J., Fortmann M. Balance of power: theory and practice in the 21st century. Stanford, CA: Stanford University Press, 2004. 384 p. Spykman N.J. America's strategy in world politics: the United States and the balance of power. London: Routledge, 2017. 525 p. Zhang F. Reconceiving the balance of power: a review essay // Review of international studies. 2011. Vol. 37, No 2. P. 641-651. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с. Захария Ф. Постамериканский мир будущего. М.: Европа, 2009. 280 с. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.; СПб.: АСТ, 2003. 603 с.

⁵ Akaev A. A., Sadovnichiy V. A. A closed dynamic model to describe and calculate the Kondratiev long wave of economic development // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2016. Vol. 86, No 5. P. 371–383. Akaev A., Sadovnichiy V., Korotayev A. On the dynamics of the world demographic transition and financial-economic crises forecasts // The European Physical Journal Special Topics. 2012. Vol. 205, No 1. P. 355–373. Akaev A., Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. Technological development and protest waves: Arab spring as a trigger of the global phase transition? // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 116. P. 316–321. Arrighi G., Silver B. J. Chaos and governance in the modern world system. University of Minnesota Press, 1999. Braudel F. Capitalism and material life, 1400–1800. Harper and Row, 1973. Braudel F. Civilization and capitalism, 15th – 18th century. Harper and Row, 1982. Chase-Dunn C., Anderson E. (Eds.). The historical evolution of world-systems. Cham: Springer, 2005. Chase-Dunn C., Hall T. D. Rise and demise: Comparing world-systems. Westview Press, 1997. Chase-Dunn C., Lerro B. Social change: Globalization from the Stone Age to the present. London: Routledge, 2016. Chase-Dunn C., Niemeyer R., Alvarez A., Inoue H., Love J. Cycles of rise and fall, upsweeps and collapses: Changes in the scale of settlements and polities since the Bronze Age. In L. Grinin, P. Herrmann, A. Korotayev, & A. Tausch (Eds.), History and mathematics: Processes and models of global dynamics. Volgograd: Uchitel, 2010. P. 64–91. Denemark R. A., Friedman J., Gills B. K., Modelski G. World system history: The social science of long-term change. London: Routledge, 2000. Diakonoff I. The paths of history. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. Frank A. G., Gills B. K. (Eds.). The world system: Five hundred years, or five thousand. London: Routledge, 1993. Gellner E. Plough, sword and book. The structure of human history. Chicago: University of Chicago Press, 1988. Gills B. K., Thompson W. (Eds.). Globalization and global history. London: Routledge, 2012. Grinin L. Macrohistory and globalization. Volgograd: Uchitel, 2012. Grinin L. On revolutionary waves since the 16th century. In J. A. Goldstone, L. Grinin, & A. Korotayev (Eds.), Handbook of revolutions in the 21st century: The new waves of revolutions, and the causes and effects of disruptive political change. Cham: Springer, 2022. P. 389–411. Гринин Л. Е., Гринин А. Л. От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем: История технологий и описание их будущего. ООО «Издательство "Учитель"», 2015. Grinin L., Grinin A. The cybernetic revolution and the forthcoming epoch of selfregulating systems. Volgograd: Uchitel, 2016. Grinin L., Grinin

Для понимания технологической сути информационных войн с социогуманитарной точки зрения ключевыми являются работы Р.Ф. Абдеева, В.И. Аникина, М.Г. Анохина, В.А. Боришполец, Е.Г. Баранова, А.Г. Караяни, В.Е. Лепского, А.В. Манойло, А.П. Назаретяна, Д.В. Ольшанского, В.С. Степина, Э.Г. Соловьева, И.В. Сурмы, И.Н. Панарина, Г.Г. Почепцова, А.Я. Фаринной, Т. Адорно, Д. Белла, Ф. Зимбардо, М. Кастельса, А. Маслоу, К.Р. Санстейна, Э. Тоффлера, Дж. Шарпа и др.⁶

A. Historical materialism: Does the concept have a future? // *Social Evolution & History*. 2023. Vol. 22. No 1. P. 143–178. Grinin L., Korotayev A. Social macroevolution. Genesis and transformations of the world system. Moscow: Librocom/URSS, 2009. Grinin L., Korotayev A. Great divergence and great convergence. A global perspective. Cham: Springer, 2015. Grinin L., Korotayev A. Origins of globalization in the framework of the Afroeurasian world-system history. In T. D. Hall (Ed.) *Comparing globalizations. Historical and worldsystems approaches*. Cham: Springer, 2018. P. 37–70. Ilyin I., Ursul A. Globalistics: New investigative trends in science // *Globalistics and Globalization Studies*. 2012. Vol. 1. P. 107–118. McNeill W. H. *The pursuit of power: Technology, armed force, and society since AD 1000*. Chicago: University of Chicago Press, 2013. Malkov S., Davydova O. Modernization as a global process: The experience of mathematical modeling // *Computer Research and Modeling*. 2021. Vol. 13, No 4. P. 859–873. Modelski G., Thompson W. R. *Leading sectors and world powers: The coevolution of global politics and economics*. University of South Carolina Press, 1996. Modelski G., Devezas T., Thompson W. R. (Eds.). *Globalization as evolutionary process: Modeling global change*. London: Routledge, 2007. Korotayev A. *World religions and social evolution of the old world Oikumene civilizations: A cross-cultural perspective*. Edwin Mellen Press, 2004. Korotayev A. Compact mathematical models of world system development, and how they can help us to clarify our understanding of globalization processes. In G. Modelski, T. Devezas, & W. R. Thompson (Eds.) *Globalization as evolutionary process: Modeling global change*. London: Routledge, 2008. P. 133–160. Korotayev A. The 21st century singularity in the big history perspective. A re-analysis. In A. Korotayev & D. LePoire (Eds.) *The 21st century singularity and global futures. A big history perspective* (pp.). Cham: Springer, 2020. P. 19–75. Korotayev A., Malkov S. Mathematical models of the world-system development. In S. Babones & C. Chase-Dunn (Eds.) *Routledge handbook of world-systems analysis*. Routledge, 2012. P. 158–161. Korotayev A., Malkov A., Khaltourina D. *Introduction to social macrodynamics: Compact macromodels of the World System growth*. Moscow: KomKniga/URSS, 2006. Rodrigue B. H. Disaster's offspring: Catastrophe, narrative, and survival in global history // *Journal of Globalization Studies*. 2021. Vol. 12, No 1. P. 159–171. Turchin P. *Historical dynamics: Why states rise and fall* (2nd ed.). Princeton, NJ: Princeton University Press, 2018. Wallerstein I. *The modern world-system I: Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century*. Vol. 1. University of California Press, 2011. Wallerstein I. *World-systems analysis: An introduction*. Duke University Press, 2020. Wallerstein, I. 1974. *The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. NY: Academic. 410 p. Wallerstein I. 1979. *The Capitalist World-Economy*. Cambridge: Cambridge University Press. 305 p. Wallerstein I. 1980. *The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World Economy, 1600-1750*. NY: Academic. 370 p. Zinkina J., Christian D., Grinin L., Ilyin I., Andreev A., Aleshkovski I., Shulgin S., Korotayev A. *A big history of globalization: The emergence of a global world system*. Cham: Springer, 2019.

⁶ Аникин В.И., Абдеев Р.Ф., Сурма И.В. *Философские аспекты информационной цивилизации и современные проблемы управления в ракурсе глобальной безопасности* // *Вопросы безопасности*. 2017. № 2. С. 44-54; Баранов Е.Г. *Информационно-психологическое воздействие: сущность и психологическое содержание* // *Национальный психологический журнал*. 2017. № 1 (25). С. 25-31; Баришполец В.А. *Информационно-психологическая безопасность: основные положения* // *Информационные технологии*. 2013. №5. С. 62-107; Лепский В.Е. *Технологии управления в информационных войнах (часть 1: от классической к постнеклассической рациональности)* // *Информационные войны*. 2016. № 2 (38). С. 57-64; Лепский В.Е. *Информационно-психологическая безопасность субъектов дипломатической деятельности*. М.: Научная книга, 2003; Манойло А.В. *Государственная информационная политика в особых условиях: монография*. М.: МИФИ, 2003; Караяни А.Г., Зинченко Ю.П. *Информационно-психологическое противоборство в войне: история, методология, практика*. М.: МГУ, 2007; Назаретян А.П. *Психология стихийного массового поведения. Лекции*. М.: ПЕР СЭ, 2001; Ольшанский Д.В. *Политическая психология*. Екатеринбург: Деловая книга, 2001; Степин В.С. *Эпоха цивилизационных перемен и диалог культур*. М.: ИНИОН РАН, 2009; Панарин И.Н. *СМИ, пропаганда и информационные войны*. М.: Поколение, 2012; Почепцов Г.Г. *Информационно-психологическая война*. М.: СИНТЕГ, 2000; Фарина А.Я. *Анализ современных форм, методов и приемов информационного воздействия по каналам СМИ* // *Вестник МГЛУ. Серия: Исторические науки*. 2010. Вып. 2 (581). С. 247-266; Кастельс М.

Таким образом, многие аспекты информационных войн к настоящему времени изучены достаточно глубоко. Однако ввиду быстрого развития информационных технологий и изменений политической ситуации в мире, эта проблема продолжает оставаться актуальной и требует дальнейшего изучения и разработки эффективных инструментов противодействия. Решение данного вопроса невозможно без изучения социально-технологических основ влияния на противостоящие и конкурирующие общества, что, в свою очередь, должно рассматриваться в контексте изучения глобальных трансформаций. Данные трансформации, происходящие в обществе (глобальные социальные трансформации) в значительной степени вызваны процессами технологического и цифрового развития последних десятилетий, однако, также происходят в плоскости ценностных, демографических, политических и иных социальных, и даже социо-природных изменений. Тема глобальных социальных трансформаций поднималась и раскрывалась в работах ученых МГУ И.В. Ильина, Ю.Н. Саямова⁷, Н.Л. Смакотиной⁸, А.Т. Гаспаришвили⁹, В.В. Кочеткова¹⁰, а также представителей других вузов и научных центров – А.М.

Информационная эпоха: экономика, общество и культура; пер. с англ. под науч. ред. Шкаратана О.И. М.: ГУВШЭ, 2000; Shwab K. *The Fourth Industrial Revolution* // *International Affairs*. 2016; Белл Д. Социальные рамки информационного общества // *Новая технократическая волна на Западе*. Москва: Прогресс, 1986. С. 330-342; Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. СПб: «ПИТЕР», 2001; Maslow A. H. *Motivation and Personality*. New York: Harper & Row, 1954; Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение. 3-е изд. СПб.: Питер, 2008; Hjelle L., Ziegler D. *Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Applications*, 1992; Sunstein C. R. *The Law of Group Polarization* // *J. of Political Philosophy*. 2002. Vol. 10. № 2. Pp. 175-195; Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения; пер. Козловской Н.М.: Новое издательство, 2012.

⁷ Саямов Ю.Н. Глобальные социальные трансформации и современный мир // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. 2021. № 2. С. 66-71.

⁸ Смакотина Н.Л. Глобальные социальные трансформации в контексте демографических изменений и урбанизации. *Acta Biomedica Scientifica*. 2022;7(3):47-56. <https://doi.org/10.29413/ABS.2022-7.3.6>

⁹ Смакотина Н.Л., Саямов Ю.Н., Гаспаришвили А.Т., Егоренкова М.А. Управление социальными трансформациями в контексте глобальных процессов и проблем: предварительные результаты исследования // В книге: I Российско-Иранский социологический форум. Сборник тезисов докладов участников форума. Москва, 2020. С. 489-499.

¹⁰ Кочетков В. В. Глобализация в образовании: информационная война и "промывание мозгов" или доступ к мировым знаниям и благам цивилизации? // *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. — М.: Издательство Московского государственного университета, 2005. — № 1. — С. 144—159.

Старостина¹¹, Н.Г. Дехановой и Ю.А. Холоденко¹², Т.И. Грабельных¹³ и др. ученых.

Таким образом, вопрос об оптимизации системы мер противодействия информационным войнам целесообразно рассматривать прежде всего с учетом передовых воззрений на процессы глобальной трансформации и их национальные и региональные проекции.

В связи с вышеизложенным, **целью исследования** является выявление особенностей ведения информационных войн в условиях глобальных социальных трансформаций, а также наиболее перспективных форм и методов противодействия связанным с ними угрозам национальной безопасности.

Задачи:

- 1) разработать авторскую классификацию информационных войн современности на основе анализа теоретических подходов к их изучению;
- 2) выявить общие особенности информационных войн современности, возникшие в ходе реализации ключевых глобальных социальных трансформаций;
- 3) определить современные особенности ведения информационных войн и противостояния им у США, России и КНР как ведущих в военно-политическом отношении мировых держав;
- 4) выявить основные перспективы развития информационных войн с точки зрения их интенсивности и характера;
- 5) разработать рекомендации по повышению эффективности ведения информационных войн, а также укреплению информационной безопасности и эффективному противодействию дезинформации и

---

¹¹ Старостин А.М. Глобальные социальные трансформации в координатах концепции социальных инноваций// В сборнике: Глобалистика-2020: Глобальные проблемы и будущее человечества. Сборник статей Международного научного конгресса. Москва, 2020. С. 215-219.

¹² Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Приоритеты социальной политики России в условиях глобальных социальных изменений// Социодинамика. 2024. № 3. С. 76-87.

¹³ Грабельных Т.И. Историческое самосознание, интеллектуальный капитал и глобальные социальные трансформации как макросистемные показатели изменения социального мира// В сборнике: Интеллектуальный капитал в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, 2019. С. 15-18.

манипуляциям общественным сознанием в контексте современных глобальных социальных трансформаций.

Объект исследования – современные информационные войны между государствами, их блоками, с участием негосударственных структур, в том числе, террористических группировок.

Предмет – особенности информационных войн, возникшие и проявившиеся в результате глобальных социальных трансформаций современности.

Хронологические рамки охватывают временной отрезок с конца двадцатого столетия по настоящее время. На это время приходится период развития интернета и, как следствие, расширение возможности распространения дезинформации в онлайн-среде, а также активное использование социальных сетей и мессенджеров для распространения дезинформации и манипуляции общественным мнением.

Нормативно-эмпирическая база исследования включает в себя следующие источники:

- международные правовые нормы, регулирующие информационные войны, такие как Женевская конвенция, Конвенция ООН по борьбе с киберпреступностью и другие;
- стратегические документы изучаемых стран в области национальной безопасности, информационной и кибер-безопасности;
- теоретические концепции, описывающие природу и механизмы информационных войн, такие как концепция информационной безопасности, теория информационной войны и другие.

Научная новизна исследования заключается в выявлении основных характеристик информационных войн в условиях глобальных социальных трансформаций и состоит в следующем:

- 1) разработана авторская классификация информационных войн, учитывающая как психологические, так и технологические аспекты их направленности в современном мире;

- 2) выявлены ключевые общие особенности информационных войн в условиях реализации основных направлений глобальных социальных трансформаций;
- 3) определены особенности стратегий ведущих в военно-политическом отношении стран мира в современном информационном противоборстве;
- 4) выявлены основные перспективы развития информационных войн в ближайшие десятилетия;
- 5) разработаны рекомендации по повышению эффективности ведения информационных войн, включая вопросы информационной безопасности и эффективного противодействия дезинформации и манипуляциям общественным сознанием.

Теоретико-методологическая основа исследования представляют теория глобального эволюционизма, развитая в работах А.Д. Урсула и И.В. Ильина, концепция мягкой силы, получившая отечественное осмысление и развитие в трудах О.Г. Леоновой, система взглядов на социальные трансформации современности, сформированная в работах Г.В. Осипова, И.В. Ильина, Н.Л. Смакотиной, Ю.Н. Саямова и других авторов.

Для изучения комплексного влияния процессов цифровизации на сферу внешней политики ведущих в геополитическом отношении стран мира и международной политики в области глобального и регионального развития применялись, во-первых, общенаучные методы анализа и синтеза и политико-описательный метод для систематизации фактов; во-вторых, элементы системного анализа и институционального подхода; в-третьих, сравнительный анализ, в-четвертых, метод классификации, в-пятых, методы контент-анализа и библиометрии.

Автор исходит из рассмотрения глобального управления как «комплекса формальных и неформальных институтов, механизмов, отношений и процессов» – в соответствии с теорией, изложенной в начале нынешнего века Т. Вайссом и Р. Такуром. При этом наиболее справедливым подходом к глобальному управлению, соответствующему целям устойчивого развития, будет

максимальный учет национальных интересов всех стран мира, без однополярной гегемонии и избыточности национальных барьеров. Процессы и явления, связанные с развитием информационных войн рассматриваются автором на основе мир-системного подхода, развиваемого в трудах таких ученых, как Ф. Бродель, И. Валлерстайн. Э. Геллнер, Дж. Арриги и Б. Силвер, И. Дьяконофф, У.МакНил, А.Г.Франк, Б.Гиллс, Дж. Моделски, У. Томпсон, Т. Девезас, К. Чейз-Данн, Р. Денемарк, П.В. Турчин, Б. Родриг, В.А. Садовничий, А.А. Акаев, И.В. Ильин, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев и др.

Теоретическая и практическая значимость. Изучение социо-гуманитарных технологий в контексте информационной войны имеет как теоретическую, так и практическую значимость.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в формировании новой классификации информационных войн, структурирующей многообразие их определений и учитывающей современные теоретические концепции их изучения, кроме того, рассмотрение информационных войн в контексте глобальных социальных трансформаций формирует концептуально новый подход к ним как к естественному глобальному явлению, соответствующему всем основным движениям социальных процессов.

Практическая значимость этого исследования проявляется в возможности разработки и применения более эффективных стратегий по противодействию дезинформации, манипуляциям и фейковым новостям. Более того, понимание социо-гуманитарных технологий позволяет эффективно мобилизовать информационные ресурсы для распространения достоверной информации среди населения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Многообразие современной терминологии информационных войн, а также их частая «мимикрия» под социо-культурный обмен стран и цивилизаций и иные проявления позитивной мягкой силы заставляют предложить уточняющую их классификацию. Информационные войны целесообразно разделять по направленности на информационно-психологические, то есть

направленные на сознание человека и информационно-технологические, направленные на информационную инфраструктуру. Первые включают: 1) военную пропаганду, 2) информационно-экстремистские или террористические действия, 3) информационно-мировоззренческие войны (включающие, в свою очередь: а) социо-культурные войны, б) «войны памяти» или войны исторических нарративов, в) информационно-политические войны); 4) информационно-экономические войны, ведущиеся против хозяйствующих субъектов или экономического потенциала в целом стран-конкурентов; 5) информационно-экологические войны, направленные на дискредитацию природного потенциала. Круг ключевых технологий, используемых для подготовки и ведения информационных войн, определяется прежде всего глобальным технологическим прогрессом в цифровизации и расширяющимся доступом широких слоев населения разных стран к информационной среде.

2. Становление во второй половине XX века информационного, а в XXI веке – цифрового общества, что является ключевой глобальной трансформацией современности, цифровизация промышленности и управления, а также научные достижения в области психологии и социологии создали условия для появления как новых объектов для информационных атак (цифровая инфраструктура экономики и, особенно, промышленности, финансов, госуправления, социальные сети, базы личных данных и т.д.), так и для технологизации информационно-психологического воздействия вплоть до использования технологий искусственного интеллекта для пропаганды или создания ложных нарративов. При этом круг объектов направленности информационно-психологических войн практически не изменился со времен Второй мировой войны и даже с более раннего периода активизации противостояния России с европейскими странами в XIX веке. В то же время с усилением значимости экологической составляющей жизни человечества, новыми трендами декарбонизации и экологизации появилась новая сфера информационного воздействия – осознание природно-экологической защищенности и комфорта населения противоборствующих и конкурирующих стран.

3. К концу 2024 года США и их союзники достигли пика интенсивности информационных войн с Россией, Китаем и другими государствами, которые идеологически противостоят западным странам. США, Россия и Китай, будучи крупнейшими военно-политическими акторами, следуют различным стратегиям в ведении информационных войн, основывающимся на их идеолого-мировоззренческой базе и технологических возможностях. Данные стратегии можно определить следующим образом: 1) Наступательно-гегемонистская стратегия США, исходящая из стремления к глобальному доминированию; 2) Оборонительно-технологическая стратегия Китая, исходящая из принципа не навязывания другим странам своих нарративов, наличия возможностей для защиты внутреннего киберпространства и концентрации на информационно-технологических аспектах военного противостояния; 3) Оборонительно-наступательная стратегия современной России, связанная, прежде всего, со стремлением защитить внутреннее информационное пространство, а также продвигать нарративы и контр-нарративы во всем мире, используя прежде всего цифровые площадки. Начавшийся в 2025 году позитивный диалог российского руководства с администрацией США пока не имеет стабильности, необходимой для стратегической смены ситуации. Руководство Китая строго контролирует информационное пространство в стране с помощью цензуры, блокировки новостных сайтов и социальных сетей. Эти меры ограничивают доступ к нежелательной информации, что делает Китай более защищенным от информационных атак со стороны Запада. В то же время, и России, и Китаю, в условиях консолидации Глобального Большинства, не хватает наступательных информационно-психологических действий для повышения успешности своего лидерства в борьбе за новый, более справедливый миропорядок. Вместе с тем, США и коллективный Запад также подвержены информационно-психологическим и информационно-технологическим атакам ввиду как развитости и открытости своего киберпространства, так и его идеолого-мировоззренческого кризиса. Ввиду этого, секьюритизация и суверенизация киберпространства, повышение уровня цензуры и контроля охватывает как

Россию, Китай и ряд других стран Глобального Большинства, так и страны коллективного Запада, особенно, Европейского Союза.

4. В контексте глобальных социальных трансформаций, связанных в том числе с естественным социально-политическим процессом реконфигурации Мир-Системы и сопровождающимся в его ходе глобальным геополитическим обострением и усилением значимости идеолого-мировоззренческой составляющей информационного противоборства, не приходится ожидать ослабления интенсивности развязываемых Западом информационных войн в ближайшие 10-20 лет. Усиление идеолого-мировоззренческого аспекта информационных войн находит отражение в интенсивности соответствующих научных публикаций. В целом потенциальные угрозы национальной безопасности, связанные с внешним информационно-психологическим воздействием, могут стать критическими только в случае наличия серьезных факторов, способствующих социально-экономической и/или социально-политической нестабильности в целевых странах, подвергшихся таким атакам. Важно отметить, что ни Россия, ни Китай не имеют фундаментальных оснований для такой внутренней дестабилизации. Однако следует учитывать, что угрозы, связанные с разрушительными атаками в цифровой и технологической сфере, создают для России все больше рисков в области обеспечения безопасности критической инфраструктуры.

5. Перспективным для России и Китая направлением информационных войн является наступательный вектор идеолого-мировоззренческой войны, реализуемой путем формирования и продвижения нарративов справедливого мироустройства и партнерства цивилизаций как для интеллектуально-элитной, так и массовой аудитории коллективного Запада. Вместе с тем, данное направление представляется наиболее наукоемким в информационно-психологической сфере, поскольку связано не столько с социо-техническими вопросами формирования самих нарративов, сколько с научным обеспечением их идеологической основы.

Наиболее перспективными и эффективными способами борьбы с угрозами, связанными с информационными войнами, и обеспечения национальной безопасности, являются:

- повышение критического мышления и медиа-грамотности среди населения, чтобы люди могли легче выявлять фейки, дезинформацию и пропаганду;

- регулирование использования информационных технологий и социальных медиа с целью предотвращения распространения ложной информации и негативного воздействия на общественное мнение;

- разработка и применение систем фильтрации контента, анализа данных и алгоритмов искусственного интеллекта;

- сотрудничество между правительством, научным сообществом и предприятиями для разработки и внедрения комплексных стратегий по защите от информационных войн;

- обучение и подготовка специалистов в области информационной безопасности и киберзащиты;

- ключевым элементом противодействия информационным войнам будет разработка и принятие международных норм регулирования конкуренции между странами в информационном пространстве.

Апробация результатов работы. По теме диссертационного исследования опубликовано 5 статей в журналах, входящих в перечень ВАК, в том числе 4 статьи – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, включающих 9 параграфов, заключения, а также списка библиографии, включающего 333 наименования.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность, определяются цель и задачи, объект и предмет данного исследования, описывается степень научной разработанности темы исследования, отражаются научная новизна, представлены теоретическая и практическая значимость, и основные положения, выносимые на защиту, излагаются теоретико-методологическая основа и эмпирическая база исследования, результаты апробации работы и её структура.

Первая глава диссертационного исследования посвящена **теоретическим основам исследования информационных войн**.

В параграфе 1.1. «**Сущность и специфика информационных войн**» проводится анализ основных понятий и определений, связанных с тематикой исследования (информационная война, гибридная война, психологическая война, кибервойна и др.). Показано, что информационная война охватывает средства воздействия (механизмы передачи, способы доставки, формы обработки и сохранения), а психологическая война – содержание, цели и задачи воздействия на массовое сознание. В условиях расширения возможностей и технологического развития, и с учетом достижений социо-гуманитарной науки, воздействие на психику имеет огромный масштаб влияния на мировоззрение и на поведение войск и населения стран противника. С конца 20 века на Западе (у военных США) возник термин «когнитивная война», который пока не прижился в академическом сообществе, но, однако, активно используется в политических документах. Наконец, в последние годы информационная война включается в качестве направления в понятие «гибридной войны» – термин появился в начале 21 века и подразумевает ведение противоборства комплексными, всеми известными способами, часто без непосредственных боевых действий между противниками. Целью информационной войны является население страны-противника или отдельные группы в составе этого населения (враждебно, дружественно или нейтрально настроенные), на ценностные

установки и убеждения которых осуществляется информационное воздействие с целью достижения такого их поведения, которое выгодно атакующей стороне.

Показано, что информационные войны в настоящее время ведутся в условиях глобальных социальных трансформаций, важнейшими факторами которых являются: 1) Эпоха цифровизации, активная фаза которой началась примерно с начала нового тысячелетия (когда объем информации, хранимой в цифровом виде, превысил объем аналоговой информации – 2002 год – определение И.В. Ильина), является ключевым процессом, обеспечивающим генеральную социальную трансформацию глобального уровня – формирования «цифровой цивилизации» (определение акад. Г.В. Осипова). Цифровизация в социальном плане порождает: 1) формирование виртуальных сообществ; 2) уязвимость людей, обществ, стран перед цифровыми атаками. 2) Обострение внутри стран социальных противоречий (рост протестной политической активности, начиная с 2000-х годов). 3) Осознание человечеством единства проблемного поля в рамках единой глобальной ресурсно-энерго-экологической проблемы (глобальное потепление, «пределы роста» и т.д.). 4) Глобальное геополитическое обострение: «восхождение» Глобального Большинства (экономическое, политическое, военное), обострение глобальной геополитической конкуренции (за ресурсы, территории), стремление коллективного Запада к сохранению глобальной гегемонии, рост числа и остроты вооруженных конфликтов и гибридных войн с ключевой информационной составляющей. 5) Старение населения, охватившее развитые и охватывающее развивающиеся страны, ведущее к усилению распространения консервативных ценностей, замедлению технологического и экономического роста, укреплению стагнационных тенденций в развитии общества. В этой связи важно уточнить, происходит ли критические изменения сути, содержания и смысла информационных войн в условиях глобальных социальных трансформаций.

В параграфе 1.2 **«Информационные войны в киберпространстве»** анализируются характеристики и ход развития противоборства в компьютерных сетях. Приводятся основные свойства кибератак, при этом их разнообразие

затрудняет создание четкого определения и, соответственно, существенно усложняет введение этого понятия в правовое поле и выработку политики, направленной на борьбу с кибератаками. Кибервойна необязательно сопровождает «традиционную» войну или даже вооруженный конфликт; она может предшествовать им, происходить параллельно с ними, или даже «замещать» традиционные боевые действия. При этом начало кибервойны не сопровождается формальным объявлением войны. Кибератаки, киберконфликты и даже полномасштабные кибервойны обходятся атакующим государствам значительно дешевле, чем традиционные боевые действия.

Все эти факторы в общей сложности обусловили появление нового направления выстраивания национальной безопасности, а именно обеспечения кибербезопасности. Представляется, что в поисках нетиповых решений по обеспечению кибербезопасности в высшей степени целесообразно обратиться к опыту Китая, путь которого в этой области действительно уникален. Кибербезопасность является приоритетом высочайшего уровня, то есть вопросы ее достижения и сохранения регулируются непосредственно на уровне Коммунистической Партии Китая, которая и осуществляет регулирование этой сферы через соответствующие органы в своем составе. Помимо политической составляющей к кибератакам значительную роль играет конкурентная борьба, осуществляемая не в военно-политической, а, скорее, в экономической плоскости, а также криминальными структурами.

В параграфе 1.3 **«Информационно-психологические войны»** рассматриваются особенности влияния формируемых и организуемых потоков информации на психологическое состояние противника.

Основные инструменты информационных войн: использование «фейков», в том числе «фейковых» новостей; использование технологий искусственного интеллекта для создания заведомо ложных визуальных изображений с целью дискредитации противника; использование комментаторов-«троллей» для массового комментирования сообщений и/или постов в социальных сетях, посвященных тем или иным событиям (явлениям), в определенном ключе, целью

которого является создание определенного отношения к описываемым событиям (явлениям) у остальных читателей и комментаторов; «демонизация» лидеров страны-противника и ключевых лиц, принимающих решения; фальсификация истории; тщательные чистки информационного пространства от информационных ресурсов и контента противника с одновременным активным распространением собственных; технологии «управляемого хаоса».

В последние годы получила особенно интенсивное развитие практика алгоритмической когнитивной войны. Алгоритмическая (т.е. реализуемая с помощью технологий искусственного интеллекта) когнитивная война представляет собой совмещение алгоритмической войны и когнитивной войны. Ключевым аспектом алгоритмической когнитивной войны является распространение контента, основанного на детализированных профилях пользователей, подкрепленное мощными разведывательными средствами, совместно с сотрудничеством и влиянием основных СМИ, а также с использованием обратной связи, взаимодействия, итерации и эскалации в условиях быстро меняющихся конфликтов и войн с целью формирования глобальной, непрерывной и высокоинтенсивной когнитивной деятельности, подавления разнообразных точек зрения и убеждений, формирования общественного мнения в стране и оказания воздействия на страны.

Оптимизация социо-гуманитарных технологий в противостоянии современной информационной войне должна включать несколько основных направлений. Наиболее важное направление – развитие критического мышления у населения. Необходимо акцентировать внимание на образовании и совершенствовании критического мышления, то есть способности анализировать информацию, выделять достоверные источники и определять подлинность информации. Также взрослому населению необходимо предоставить обучающие курсы и тренинги, которые помогут развить критическое мышление и научат ключевым навыкам.

Вторая глава под названием «**Китай, Россия и США в информационных войнах современности**» посвящена отдельному изучению практики КНР,

России и США не только в ведении информационных войн, но и в противостоянии им.

В параграфе 2.1. **«Стратегии США в информационных войнах»** рассматривается становление и развитие соответствующих подходов США. В январе 1995 года глава Департамента обороны США сформировал Исполнительный совет по информационным войнам для содействия «разработке и достижению целей национальной информационной войны». Были определены семь ключевых особенностей стратегической информационной войны:

- 1) «ценовая доступность» – разработка и использование приемов информационной войны зачастую обходятся намного дешевле, чем создание новых видов «традиционных» вооружений;
- 2) размывание границ – технологии информационной войны не привязаны к месту и времени какого-либо конкретного вооруженного конфликта, но могут быть в любой момент использованы против любого государства и/или негосударственного актора;
- 3) манипулятивность, осложняющая формирование поддержки населением какого-либо государственного решения или инициативы;
- 4) снижение эффективности классических методов сбора и анализа разведанных;
- 5) неспособность традиционных систем тактического предупреждения вовремя выявлять использование приемов и технологий информационной войны;
- 6) сложность поиска партнёров и создания коалиций;
- 7) уязвимость территории США.

Помимо непрерывного ведения информационной войны с Россией, в последние годы США используют весь инструментарий информационных войн, чтобы подавить мощь Китая и выставить его в роли агрессора, обвиняя его в промышленном шпионаже и кибератаках, вводя протекционистские меры для ИТ-отрасли под видом защиты информационной безопасности, развязывая на фоне информационной войны полноценную торговую войну – и одновременно наращивая свое военное присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Значительное внимание уделяется в США и такому смежному с информационными войнами явлению, как кибервойны. На основе всесторонних

научных исследований можно определить кибервойны так: это действия субъектов международных отношений, которые причиняют ущерб другим субъектам международных отношений на материальном или когнитивном уровне через киберпространство или с использованием кибертехнологий, в рамках действий по достижению своих политических целей. При этом киберпространство является частью информационной среды. Кибервойна, по нашему представлению, делится на два основных типа: кибертехническую войну и киберкогнитивную войну.

В параграфе 2.2. **«Становление и развитие подхода Китая к противостоянию и ведению информационных войн»** подчеркивается, что руководство КНР в полной мере осознает значимость ИКТ для всех сфер развития человечества, в том числе и в течении социально-политических конфликтов, и в ведении современных войн. В настоящее время правительство Китая строго регулирует интернет-пространство, цензурируя нежелательную информацию и блокируя доступ к запрещенным сайтам. Китай считается одной из стран с наиболее жесткой и эффективной системой интернет-цензуры. Сразу несколько государственных ведомств осуществляют надзор и контроль над соблюдением законов в китайском сегменте Интернета, однако каждое из них имеет свои функции.

Показано, что основным оружием Китая в информационной войне является ограничение своего информационного пространства для внешних информационных атак. Вместе с тем, имидж страны имеет значение, и он подвергается постоянным попыткам «коллективного Запада» быть приниженым. В целом в условиях заката однополярной системы и попыток США «закрепить» ускользающую гегемонию и подавить новые мировые центры силы, Китай нацелен стать безусловным мировым лидером в сфере информационных технологий, и при этом должен давать адекватный ответ на нападки США и развязывание ими информационной войны против КНР.

В параграфе 2.3. **«Россия в информационном противостоянии с коллективным Западом: стратегические аспекты»** подчеркивается

перманентность нахождения России в состоянии информационной войны с коллективным Западом. Показано и обсуждено на примерах, каким образом все инструменты информационных войн применяются коллективным Западом в отношении России в современных условиях.

Впервые необходимость наращивания российского потенциала отражения атак информационного характера стала очевидной в период грузино-осетинского конфликта в августе 2008 г. После этого Россия предприняла многие меры по укреплению этого потенциала (в частности, учреждение международного информационного агентства «Россия сегодня», а также поддержка развития международного телеканала Russia Today). С учетом информационной войны беспрецедентных масштабов, развернутой в настоящее время коллективным Западом против России, представляется необходимым дополнить стратегические документы, регламентирующие защиту национальной безопасности страны, понятием гибридных войн, а также информационных войн и, в особенности, информационно-психологических войн, поскольку их ключевое отличие от традиционных войн – а именно воздействие на сознание масс гражданского населения – требует разработки и внедрения новых инструментов противодействия.

В Главе 3 определяются тенденции и перспективы изменений характера информационных войн и их научного осмысления в условиях глобальных социальных трансформаций.

В параграфе 3.1. **«Проблема информационных войн в научных исследованиях: наукометрический срез»** проводится соответствующий анализ трендов и тенденций развития научных исследований.

Показано, что число публикаций по информационным войнам в области компьютерных наук стало расти в середине и второй половине 1990-х годов, затем резко поднялось в 2004 – 2006 гг. и пережило еще один период быстрого роста в 2014 – 2019 гг. Число публикаций по информационным войнам в общественных науках оставалось относительно небольшим до 2012 года, когда совершило первый «скачок», после чего сравнялось с числом таковых

публикаций в компьютерных науках и росло практически параллельно с ним (и одинаково быстро) в 2014 – 2019 гг. После этого происходит важное расхождение – число публикаций по интересующей нас тематике в компьютерных науках остается постоянным, год, в то время как число таких публикаций в общественных науках демонстрирует стремительный взлет. Это свидетельствует о том, что акцент в изучении информационных войн смещается с технических аспектов на социо-гуманитарные технологии, применяемые в ходе таких кампаний.

Представляется, что этот процесс возглавили США, чем и объясняется лидерование общественного университета (а не военного) в изучении американцами информационных войн и написании статей по этой тематике. Это также подтверждает процитированное в начале параграфа определение информационных войн, данное НАТО, а именно его часть о социальных кибератаках, направленных на формирование у населения страны, против которой ведется информационная война, определенного образа мира, выгодного нападающей стороне.

В параграфе 3.2. **«Международное регулирование информационных войн и кибервойн»** констатируется, что базой для такого регулирования является правовое оформление пространства Интернета. Показано, что международный диалог по кибервопросам остается сложным. Многие страны держат свои действия в области кибербезопасности в секрете, что ведет к недостатку прозрачности и усложняет диалог.

Учитывая особые проблемы, создаваемые характеристиками киберпространства при толковании и применении некоторых принципов международного гуманитарного права, регулирующих ведение боевых действий, разработка и использование киберсредств и методов ведения войны сторонами вооруженного конфликта требует тщательного юридического анализа. Правовой анализ кибероружия, средств и методов ведения войны может столкнуться с множеством проблем. Во-первых, страна, проводящая юридическую экспертизу, должна определить, какой правовой стандарт

применять к конкретному киберсредству. Другими словами, государствам-участникам необходимо ответить на некоторые из вопросов, обсуждаемых ранее, такие как, является ли использование киберсредства атакой и, следовательно, требует ли оно соблюдения определенных норм международного гуманитарного права. Во-вторых, оружие необходимо оценивать не отдельно от способа его применения. При юридической экспертизе необходимо учитывать обычное и предполагаемое использование оружия. Однако, в отличие от кинетического оружия, кибервоенные возможности могут быть менее стандартизированы, особенно если они разрабатываются для конкретной операции. Это означает, что их необходимо рассматривать в контексте конкретного киберпространства, в котором они могут быть использованы. В-третьих, государства-участники должны проводить не только юридический анализ нового оружия, которое они намереваются использовать, но и включать в анализ оружие, которое уже прошло правовую экспертизу, с учетом всех изменений. Для защиты гражданского населения и гражданской инфраструктуры в вооруженном конфликте важно признать, что кибервойна не является правовой пустотой и регулируется международным правом, включая международное гуманитарное право (МГП). Однако, как утверждается в данной работе, признание применимости МГП – это еще не конец дискуссии. Любое такое обсуждение должно базироваться на понимании развития кибернетического военного потенциала.

Параграф 3.3 рассматривает информационные войны в контексте глобальных трансформаций и реконфигурации Мир-Системы.

Подчеркивается, что мир переживает фундаментальные социальные и политические трансформации, в особенности трансформации глобального управления. Выступая на форуме БРИКС в Казани в 2024 году председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул важность «совершенствования системы глобального управления. Темпы реформ глобального управления долгое время не соответствуют глубоким изменениям баланса международных сил. Следует придерживаться принципа подлинного мультилатерализма и концепции

совместного обсуждения, совместного строительства и совместного использования, возглавить реформирование системы глобального управления на основе концепций равенства, справедливости, открытости и инклюзивности»¹⁴.

Китай и Россия выступают плечом к плечу в задаче становления нового, справедливого и многополярного порядка. Президент России Владимир Путин многократно подчеркивал в своих выступлениях приверженность России решению этой задачи. В своей речи на заседании пленарной сессии XX Ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 2023 года В.В. Путин выделил шесть «китов» нового справедливого многополярного мироустройства – 1) открытый мир без барьеров; 2) культурное и цивилизационное многообразие; 3) максимальная представительность и коллективные решения на глобальном уровне; 4) всеобщая безопасность и прочный мир; 5) справедливость как для развитых стран, так и для развивающихся; уважение интересов всех стран; 6) равноправие всех государств на международной арене¹⁵. В том же выступлении В.В. Путин подчеркнул наличие большого числа совместных проектов с КНР, а также общность миссии двух стран по содействию установлению нового справедливого многополярного мироустройства. На саммите БРИКС в Казани Президент России вновь подчеркнул, что «в мире происходят поистине кардинальные изменения, идёт процесс формирования многополярного мира»¹⁶. Ранее В.В. Путин неоднократно отмечал также, что эти изменения наталкиваются на ожесточенное сопротивление со стороны стран «золотого миллиарда»¹⁷.

---

¹⁴ Действовать с широким кругозором и решительностью во имя высококачественного развития сотрудничества Большого БРИКС / Выступление на 16-ой встрече лидеров стран БРИКС, Председатель КНР Си Цзиньпин (23.10.2024, г. Казань). URL: https://by.china-embassy.gov.cn/rus/zgxx/202410/t20241024_11514992.htm (дата обращения 16.11.2024).

¹⁵ Владимир Путин принял участие в пленарной сессии юбилейного, XX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» / Официальный сайт Президента России. 05.10.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения 16.11.2024).

¹⁶ Заседание саммита БРИКС в узком составе / Официальный сайт Президента России. 23.10.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/75374> (дата обращения 16.11.2024).

¹⁷ Герейханова А., Гончарук Д. Путин назвал БРИКС одним из ключевых элементов формирующегося многополярного миропорядка / Российская газета. 11.07.2024. URL: <https://rg.ru/2024/07/11/vazhno-bytymeste.html> (дата обращения 16.11.2024).

В России важным шагом в противодействии дезинформации и формированию в обществе основ медиаграмотного поведения сегодня должно стать создание специализированных информационных ресурсов и фактчекинговых платформ. Такие платформы должны предоставлять доступ к достоверной информации, инструментам проверки фактов и методическим рекомендациям по оценке подлинности информации. Важно, чтобы эти ресурсы были доступны и понятны для широкой аудитории и регулярно обновлялись с учетом новых методов распространения фейков. Для эффективного противодействия дезинформации и пропаганде необходимы комплексные меры со стороны государственных органов, образовательных учреждений и самих граждан. Усиление правовой базы является необходимым условием для эффективной защиты информационной безопасности, поскольку это позволяет правильно распределить ресурсы и определить ответственность за нарушения закона. Формирование нового мирового порядка неизбежно, но период распада современного американского порядка может затянуться, при этом сопровождаясь многочисленными «гибридными» войнами, которые могут перейти и в войны «традиционные». Это обуславливает важность перечисленных выше инструментов по противодействию информационным войнам, являющимся неотъемлемым компонентом «гибридных» войн (и вполне вероятным спутником войн «традиционных»).

В **заключении** подчеркивается, что информационные войны могут быть результатом социального управления и социального взаимодействия в эпоху глобализации по нескольким причинам. Во-первых, глобализация существенно изменила мир, сделав его более взаимосвязанным и взаимозависимым. Технологические инновации, особенно в области информационных технологий и интернета, позволяют людям в любой точке мира легко связываться друг с другом и получать доступ к информации. Это создает новые возможности для распространения и манипуляции информацией. Во-вторых, социальные сети и другие интернет-платформы стали важным аспектом общественной жизни, объединяя людей со всех уголков мира. Однако появление социальных сетей

также означает, что люди могут стать более уязвимыми для манипуляции информацией, так как они часто доверяют информации, полученной из непроверенных источников. В-третьих, различные государства и негосударственные акторы используют информационные технологии для распространения своей пропаганды, манипулирования общественным мнением и противодействия политическим противникам. Это может привести к тому, что люди становятся неспособными различать правдивую информацию от ложной, что способствует созданию конфликтов и проведению информационных войн.

Таким образом, информационные войны могут быть рассмотрены как результат социального управления и социального взаимодействия в эпоху глобализации, где технологии информационного обмена оказывают огромное влияние на общественную жизнь и политику на международном уровне. При этом глобальные социальные трансформации приводят к обострению и повышению технологичности информационных войн.

III. ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные результаты, положения и выводы диссертации опубликованы в следующих работах автора общим объемом 2,2 п.л.:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук:

1. Лю Ци. Динамика развития социо-гуманитарных технологий в контексте информационной войны // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 3 (91). С. 1085-1091. (0,4 п.л.) Импакт-фактор 0,576 (РИНЦ). EDN: xdfqia
2. Лю Ци. Россия и Китай в эпоху глобализации: стратегическое партнерство в информационных войнах современности // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 6 (94). С. 387-393. (0,4 п.л.) Импакт-фактор 0,576 (РИНЦ). EDN: vuuеky
3. Лю Ци. Развитие и влияние интернет-идеологии в контексте глобальных социальных процессов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 6 (99). С. 2574-2580. (0,4 п.л.) Импакт-фактор 0,506 (РИНЦ). EDN: zznjbg
4. Лю Ци. Развитие и тенденции информационно-психологической войны в условиях информатизации социальных трансформаций // Информационные войны. 2023. № 3 (67). С. 26-29. (0,5 п.л.) Импакт-фактор 0,173 (РИНЦ). EDN: dayoei

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях Перечня ВАК:

5. Лю Ци. Трансформация систем и эволюция принципов международных отношений в ходе глобальных процессов // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 4 (45). С. 481-484. (0,5 п.л.)